

А. Д. Соколовская

**ПРОСОДИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА
РЕАЛИЗАЦИИ МОДАЛЬНО-ОЦЕНОЧНЫХ ЗНАЧЕНИЙ
В ПОРТРЕТНЫХ ИНТЕРВЬЮ**

На материале публицистического жанра портретного интервью рассматриваются способы выражения модально-оценочных значений достоверности / недостоверности, желания / возможности / долженствования, реализующихся посредством интонации. Выявляется роль просодической вариативности в выполнении прагматических задач указанного жанра.

33

Using texts of the journalistic genre of portrait interview, this article considers the ways to express the evaluative modal meanings of veracity/falsity and willingness/possibility/obligation by the medium of intonation. The study identifies the role of prosodic variation in achieving the pragmatic objectives of the mentioned genre.

Ключевые слова: русский язык, текст, языковая модальность, прагматика публицистического текста, интонация.

Keywords: Russian language, text, linguistic modality, journalistic text pragmatics, intonation.

Наблюдающееся в последнее время активное развитие жанра портретного интервью, давно вышедшего за пределы теле- и радиоэфиров и завоевавшего интернет-аудиторию, позволяет говорить о высоком спросе на публицистические жанры с их ярким личностным началом, языковое выражение которого тесно связано с субъективной модальностью, доминирующей над объективной подачей информации. Указанная тенденция, в свою очередь, обуславливает интерес исследователей к изучению средств, с помощью которых реализуются коммуникативно-прагматические задачи портретного интервью.

Портретное интервью — жанр публицистики, нацеленный на создание эмоционально-психологического портрета интервьюируемого в процессе его речевого взаимодействия с интервьюером. «Героем такого интервью может стать человек, который проявил себя в какой-либо сфере общественной жизни и привлекает интерес широкой публики. Реже встречаются портретные интервью с так называемыми “простыми людьми”, которые должны в чем-то себя проявить либо быть очень типичными» [5, с. 11].

Следует отметить, что портретное интервью, будучи образцом диалогического жанра с типичной для подобного текста вопросно-ответной организацией, обладает рядом характерных особенностей, отделяющих его, с одной стороны, от диалога естественной речи, с другой — от классического информационного интервью и интервью-

расследования, в задачу которых входит получение достоверной информации. Портретное интервью, хотя и является имитацией естественной устной речи, представляет собой синтез письменной речи, состоящей из заранее подготовленных реплик-стимулов интервьюера, и устной, включающей в себя реплики-реакции интервьюируемого, а также возникающие в процессе коммуникации дополнительные спонтанные реплики журналиста. Еще одна черта портретного интервью, присущая публицистическим жанрам в целом, — наличие двух адресатов: непосредственно респондента, а также массовой аудитории, на которую в конечном итоге и нацелено интервью как информационный продукт. В то же время существует ряд черт, сближающих портретное интервью с естественной речью и выделяющих его среди других публицистических жанров: отсутствие коммуникативного барьера между адресантом и адресатом, высокая речевая активность, тенденция к экспрессивизации речи, эмотивность и, в ряде случаев, отход от норм речевого этикета.

Регулярно используя в процессе коммуникации перечисленные выше приемы сближения с естественной речью, участники портретного интервью продуцируют многообразные субъективные суждения, неотъемлемой частью которых является оценка.

В том или ином виде оценка существует во всех типах текстов, даже если она не выражена эксплицитно. С точки зрения лингвистики оценка — это «совокупность разноуровневых языковых единиц, объединенных оценочной семантикой и выражающих положительное или отрицательное отношение автора к содержанию речи» [1, с. 139], это закрепленное в речи и реализованное при помощи языковых средств ценностное суждение человека об окружающей его действительности. Важнейшая особенность оценки — наличие в ней субъективного фактора, взаимодействующего с объективным. «Оценочное высказывание, даже если в нем прямо не выражен субъект оценки, подразумевает ценностное отношение между субъектом и объектом. Всякое оценочное суждение предполагает субъект суждения, то есть то лицо (индивидуум, социум), от которого исходит оценка, и его объект, то есть тот предмет или явление, к которому оценка относится» [3, с. 22]. Оценочное суждение всегда находится в прямой зависимости от говорящего субъекта, его личностных качеств, морально-этических норм, уровня образования, способности к адекватному восприятию окружающей действительности.

Все многообразие оценок, как отмечает С. С. Ваулина, можно разделить на две группы: собственно модальные оценки, выражающие план реальности / нереальности высказывания с позиции говорящего, степени достоверности, возможности и т. д., и немодальные оценки, в частности качественные и эмоциональные, которые могут обогатить план содержания языковой модальности, формально не входя в ее структуру [2, с. 8].

Неоспоримо, что субъективная модальность и сопряженная с ней оценка играют важную роль в формировании текста портретного интервью и являются одним из способов достижения успешной языковой коммуникации.

Модально-оценочные значения в портретных интервью реализуются при помощи разнообразных языковых средств, преимущественно лексических и грамматических. Вместе с тем немаловажная роль в выражении указанных значений принадлежит интонации, способствующей достижению коммуникативно-прагматической цели любой диалогической речи, в том числе и портретного интервью.

Основоположник концепции о функционально-значимом статусе интонации чешский лингвист Ф. Данеш разграничил первичные и вторичные (модальные) функции интонации [7, с. 48]. К первичным функциям он отнес способность интонации трансформировать слово как назывную единицу в коммуникативную единицу, то есть в высказывание, и разделять тему и ремю высказывания, а ко вторичным (модальным) функциям — возможность интонации разграничивать высказывания по их цели и передавать эмоциональное содержание звучащей речи.

Советский и российский лингвист Л.Р. Зиндер вслед за Ф. Данешом также выделил два функциональных аспекта интонации: первый — коммуникативный, «поскольку интонация сообщает, является ли высказывание законченным или незаконченным, содержит ли оно вопрос, ответ и т. п. <...> Другой, который можно было бы назвать эмоциональным, состоит в том, что в интонации заключена определенная эмоция, которая всегда отражает эмоциональное состояние говорящего, а иногда и намерение его (впрочем, не всегда осознаваемое им) определенным образом воздействовать на слушающего» [4, с. 268—269]. Стоит отметить, что эмоциональный аспект интонации не обязательно связан со смыслом высказывания и не всегда отражается в синтаксической структуре предложения. Таким образом, участник коммуникативного акта в соответствии со своей интенцией и эмоциональным состоянием при помощи интонационных оттенков реализует в речи многообразные модальные оценки сообщаемой информации с позиции реальности / нереальности, достоверности / недостоверности, желания / возможности / долженствования, а также собственно оценки, составляющие периферийную зону субъективной модальности, — квалификации объекта речи по оценочной шкале *хорошо* / *плохо* и связанные с ними эмоциональные реакции коммуникантов (радость-грусть, восхищение-недовольство и т. д.).

Репрезентация модально-оценочных значений в устной речи посредством интонации зачастую происходит имплицитно. Так, например, высказывания с положительно окрашенной лексикой за счет интонации неодобрения, недовольства приобретают негативное информативное содержание и т. д. Таким образом, интонационная вариативность насыщает высказывания смысловой вариативностью.

Рассмотрим способы интонационного выражения некоторых модально-оценочных значений на примере портретного интервью ведущей Юлии Меньшовой со «звездной» семейной парой артистов Антоном и Викторией Макаарскими (из цикла телевизионных передач «Наедине со всеми»)¹.

¹ Все цитаты в тексте приводятся по [8].

Наиболее часто герои портретного интервью прибегают к просодическим средствам, репрезентирующим модально-оценочное значение достоверности высказываний. Так, отметим распространенный в данном интервью прием интонационного выделения некоторых лексем за счет усиления словесного ударения (такие лексемы выделены нами курсивом), а также постановки синтаксически не оправданных пауз в высказываниях героев (графически обозначены //):

Ю.М.: Я, когда читаю ваши интервью, вы меня *абсолютно восторгаете* как пара. Мне кажется, на протяжении всей вашей совместной жизни вы *потрясающе* друг друга дисциплинируете, воспитываете;

Вы оба // *одинаково* направленные люди. В том смысле, что *невероятно* работоспособные, *невероятной* обладаете пробивной силой.

А.М.: Нет, я *вообще* хотел уйти из актерской профессии. <...> Мне кажется, что у меня *очень вредная* профессия. Я людей отвлекаю, // раз-
влекаю и // и заставляю тупеть;

При этом понимании я *трижды* уходил.

Наглядным примером усиления смыслового ударения на словах также может служить их неоднократное повторение в рамках одного высказывания:

А.М. (о первом годе совместной жизни): Я *реально* думал, что я ее сейчас задушу. Вот *реально*.

В.М.: Я вам сейчас скажу самое главное. Я *никогда*, // с детства, // у меня не было амбиций стать звездой. Я *никогда* не хотела жить, как звезда;

Мои знакомые не дадут соврать. Я *вообще* замуж не хотела. А Антон *вообще* жениться не хотел.

А.М.: Я изучил очень много *действительно* хороших книжек, // *действительно* // хороших. Последнее, что мне было *невероятно* полезно прочитать, это книга игумена Евмения «Аномалии родительской любви». Вот я *всем родителям* рекомендую эту книгу.

В приведенных фрагментах наблюдаем стремление героев портретного интервью убедить интервьюера и аудиторию в достоверности, точности сообщаемого. Также в рассмотренных примерах участники коммуникативного акта дают высокую положительную оценку высказываемому, что передается не только лексически, но и при помощи интонации одобрения, восхищения. Таким образом, модально-оценочное значение достоверности обогащается разнообразными, преимущественно позитивными эмоционально-субъективными оценками.

В диалоге ведущей с героем интервью Антоном Макарским встречаем реализацию модально-оценочного значения недостоверности, достигаемую за счет несоответствия интонационного и лексического смыслов высказывания:

Ю.М.: Верно ли, что Вика хотела бы, чтобы Маша занималась танцами, а вы хотели бы, чтобы она занялась боксом?

А.М.: Значит, она, конечно, будет сама выбирать, но я сделаю все возможное...

Ю.М.: Вот это я, конечно, *очень верю* после этой фразы!

С помощью упомянутого лексико-интонационного несоответствия ведущая, с одной стороны, выражает степень недоверия к словам собеседника, с другой — характеризует реплику интервьюируемого как отрицательную со своей точки зрения.

Стоит отметить, что реализованные в рамках данного портретного интервью модальные значения желательности, возможности, долженствования, выраженные собственно модальными глаголами *хотеть, мочь, должен*, благодаря интонационному выделению наиболее важных с точки зрения данной коммуникативной ситуации лексем приобретают отчетливо выраженный экспрессивный характер. Ср.:

Ю. М.: Так вы сына хотели, что ли?

А. М.: А почему хотели? Мы и хотим.

В. М.: Любовь. Вот друг без друга не можем. Вместе вообще невыносимо.

А. М.: У меня должно быть личное пространство. Не знаю, не могу... Мне нельзя готовить. Ну нельзя. Я сам все должен делать. Я сам должен.

А. М.: То, что я действительно не могу обеспечить даже минимум.

Интонационное выделение отдельных слов также помогает героям противопоставлять одни лексеммы другим, тем самым устанавливая их на противоположных концах шкалы *хорошо / плохо*.

В. М.: У нас нет слова *свекровь* в семье. И слова *теща* тоже нет в семье. У нас есть слово *мама* для обеих наших мам. У нас есть *мамы!*

В приведенном фрагменте наблюдаем, что героиня интервью наделяет лексему *мама* положительной оценкой, а лексеммы *свекровь* и *теща*, имеющие в русской народной языковой традиции устойчивую негативную коннотацию, оцениваются отрицательно.

Рассмотрим еще один интересный пример интонационного выделения отдельных лексем.

А. М.: У меня *старый // кнопочный //* телефон, которым можно забивать гвозди.

Приведенное высказывание, включающее лексеммы с изначально негативной семантикой (*старый*, контекстуально *кнопочный*), за счет использованного героем интонационного оттенка приобретает совершенно противоположное, положительное смысловое выражение, то есть просодия выступает в качестве экспликатора одобрительной оценки.

Особого внимания заслуживают реплики-стимулы ведущей, которые, по нашему мнению, являются маркерами межличностных отношений между интервьюером и интервьюируемыми. Так, например, в репликах, обращенных к Виктории Макаарской, ведущая говорит мягким, даже сочувственным тоном: «А почему вы так *спокойно* реагировали на те звонки? Не ревновали»; «Вам // *трудно* // было позвонить?» — и этот факт может служить свидетельством попытки ведущей установить доверительные отношения с собеседницей, расположить ее к себе с целью достижения искренности в ответной реплике.

Вопросы ведущей, адресованные другому герою интервью, Антону Макаарскому, напротив, отличаются резкостью, повышением тона, в них даже присутствует некий вызов. Например, во время дискуссии о взаимоотношениях мужа и жены Антон Макаарский на мнение супруги Виктории: «Смиренность, она ведь в чем? Смиренность — она в том, чтобы не возникло скандала, правильно?» — отвечает категорическим «Нет!» и тут же получает резкий вопрос от ведущей: «А в чем? В подчинении?!»

Дальнейшие реплики ведущей при общении с героем также являются весьма эмоциональными: «Дисциплина?! Это *дрессура* называется»; «А зачем тогда такой тотальный *контроль*?!»; «Зачем?! Зачем девочке бокс?!»

38

Стремясь выразить свое неодобрение действиям и словам героя, Юлия Меньшова добавляет к негативно окрашенным лексемам (*дрессура, тотальный контроль, подчинение*) интонацию неодобрения, даже возмущения, зачастую прибегая к резкому повышению тона. Перечисленные выше интонационные приемы, на наш взгляд, указывают на неприязненное отношение ведущей к герою интервью, очевиден назревающий конфликт между интервьюером и интервьюируемым, что, в свою очередь, держит в напряжении третью сторону портретного интервью — зрительскую аудиторию.

Таким образом, в приведенных выше примерах из портретного интервью мы видим яркое выражение модально-оценочной семантики, что обусловлено доминирующим личностным началом при организации данного вида текста. Пропуская через призму своих эмоций и убеждений все многообразие оценочных высказываний говорящего субъекта, участники портретного интервью и зрительская аудитория формируют личностное суждение о говорящем, свое отношение к нему.

Существенная роль при формировании текстов портретного интервью и насыщении их различными модально-оценочными значениями отводится интонации, прагматическое свойство которой заключается в воздействии на адресата посредством интонационных оттенков. Интонация делает речь эмоциональной, естественной, что является необходимым условием построения успешного портретного интервью. Кроме того, интонация несет дополнительную информацию, компенсирующую в некоторых случаях неполноту вербальной экспликации. Эта информация связана прежде всего «с субъективным отношением говорящего — его эмоциями, экспрессией, волей и разнообразными оценками. Можно сказать, что такая дополнительная информация возникает во всех случаях “отклонений” от типичной, нейтральной для данного высказывания интонации» [6, с. 43].

Итак, прагматические функции интонации в портретных интервью заключаются не только в успешном осуществлении коммуникации между героями, но и в передаче их межличностных отношений в процессе общения, а также в насыщении психологических портретов интервьюируемых дополнительными характеристиками, что, в конечном итоге, и является основной задачей рассматриваемого публицистического жанра.

Список литературы

1. Баженова Е. А. Категория оценки // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. М., 2003. С. 139–146.
2. Ваулина С. С. Оценочность и модальность: специфика межкатегориальных отношений // Оценки и ценности в современном научном познании : сб. науч. тр. : в 2 ч. Калининград, 2009. Ч. 2. С. 3–10.
3. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. М., 2002.
4. Зиндер Л. Р. Общая фонетика. М., 1979.
5. Лукина М. М. Технология интервью. М., 2003.
6. Муханов И. Л. Интонация в ее отношении к речевой прагматике (к проблеме функционально-прагматических описаний языка) // Русский язык за рубежом. 2001. №1. С. 43–46.
7. Daneš F. Sentence Intonation from a Functional Point of View // Taylor and Francis Online : [онлайн-библиотека]. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/pdf/10.1080/00437956.1960.11659719> (дата обращения: 17.11.2019).
8. Наедине со всеми: телепрограмма. 26.02.2014 г. // Первый канал : [официальный сайт]. URL: <https://www.1tv.ru/shows/naedine-so-vsemi/vypuski/gosti-anton-i-viktoriya-makarskie-naedine-so-vsemi-vypusk-ot-26-02-2014> (дата обращения: 17.11.2019).

Об авторе

Анна Дмитриевна Соколовская – асп., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: anna.sokolovskaya@klgtu.ru

The author

Anna D. Sokolovskaya, PhD Student, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: anna.sokolovskaya@klgtu.ru